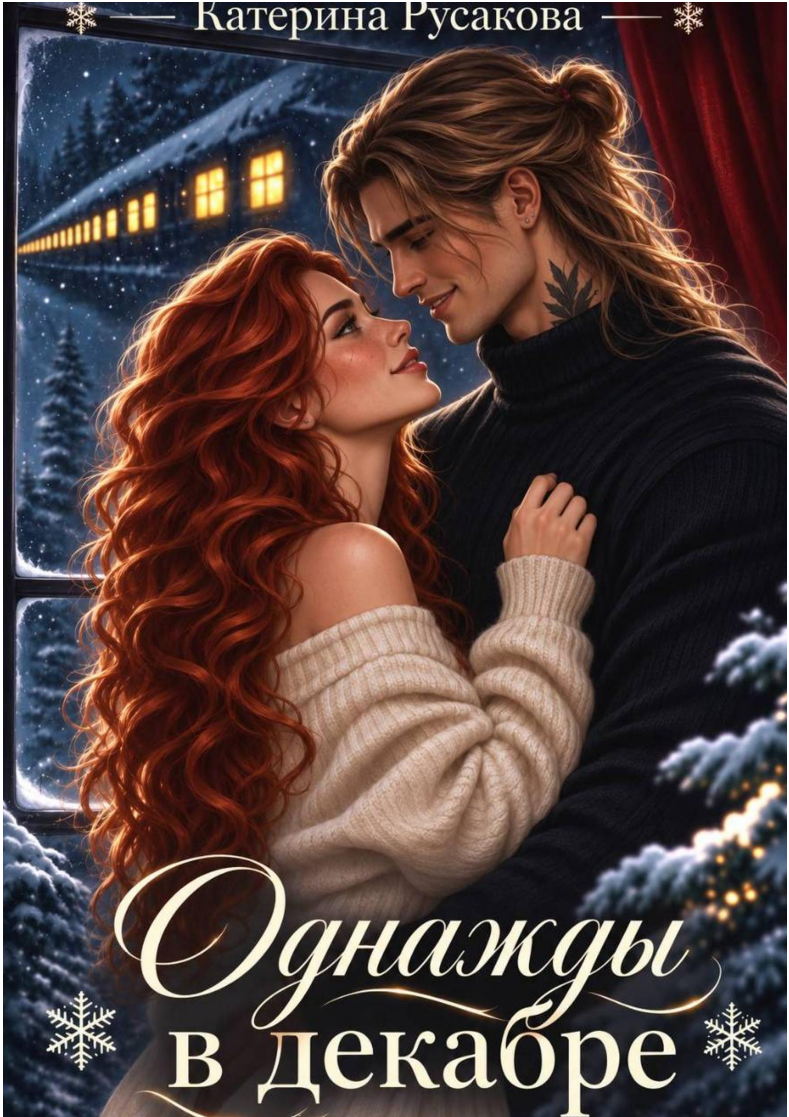

Катерина Русакова
Однажды в декабре

Катерина Русакова
Однажды в декабре

https://litres.ru/74814897
SelfPub; 2026

Аннотация

Что может пойти не так, если снежинка впервые отправится в Москву?

Например, она может потеряться в метро, удивиться ценам в книжном магазине, случайно попасть в рок-бар, узнать голубиный секрет и обнаружить, что человеческий мир куда интереснее, чем кажется из сказочной Вотчины.

Но Айка приехала сюда не ради развлечений. Ей предстоит разобраться с потерянным письмом Ванюши - мальчика, который когда-то попросил у Дедушки Мороза игрушечный паровозик, но так и не получил его.

С тех пор прошло больше двадцати лет, Ванюша вырос, а его настоящее желание осталось загадкой.

Теперь Айке предстоит выяснить, чего он хочет на самом деле, и успеть вернуться домой, чтобы помочь снежинкам подготовиться к Новому году.

Вот только у судьбы, кажется, совсем другие планы. И чем лучше Айка узнаёт Ванюшу, тем меньше ей хочется думать о возвращении.

Содержание

1 августа. Вотчина, за завесой Великого Устюга 4
5 августа. Вотчина, там, где рождается музыка 20
12 августа. Вотчина, кабинет начальника 27
24 сентября. Вотчина, почтовое отделение 37
29 октября. Вотчина, почтовое отделение 41
29 ноября. Вотчина, где-то в ворохе детских 52
30 ноября. Вотчина, кабинет начальника 56
1 декабря. Москва, среди людей 62
Конец ознакомительного фрагмента. 85

Катерина Русакова
Однажды в декабре

1 августа. Вотчина, за завесой Великого Устюга

Пока весь мир наслаждается теплом в эти летние солнечные деньки, начинается наша работа. Конечно, мы бы тоже не прочь порезвиться: на речку сходить, пока Госпожа Метелица не набросила на неё свои ледяные оковы, да на костре грибов нажарить на опушке лесной. Ооой, а как хочется и шашлык попробовать, как это у современных людей модно стало, но такие развлечения, увы, не про нас. Да и за пределы Вотчины так просто не ускользнуть. А здесь у нас снег лежит круглый год, так что летние забавы нам не доступны.

Ну а раз за границей Вотчины лето в самом разгаре, настало время готовиться к самой главной ночи.

Нужно прибраться в усадьбе, почистить котлы, промыть цеха, перебрать материалы, да навести порядок в мастерских, чтобы вскоре все смогли приступить к работе.

От работы у нас никто не отлынивает, все приучены к труду, да и дело своё мы любим.

Как иначе, когда создаешь сказку для детей? Но всё же

тяжела работа наша, тут не поспоришь. Только под Дедушкиным контролем мы и справляемся.

Вот и сейчас, с лёгкой грустью вспоминая закончившийся отпуск, мы принялись за уборку.

Вообще я вовсе не уборщица. Моё дело хоть и не такое серьёзное, как у той же Ведары, которая решает организационные вопросы, но всё же важное. Я письма собираю, сортирую, передаю запросы мастерам. Уж не первый год я этим занимаюсь и, к моей чести, нареканий до сих пор не было.

А вы, на секундочку, представьте, сколько писем каждый год прилетает к нам. Сколько малышей пишет о своих желаниях, мечтах. И не сосчитать.

Кто куклу хочет, да чтоб обязательно в платье, как у принцессы; кто кораблик просит, да обязательно с алыми парусами; кто машинку зелёную; а кто-то и айфон требует.

Да, такие детки тоже есть. К счастью, таких мало.

Мы, конечно, стараемся идти в ногу со временем и с технологиями дружить начинаем понемногу, иначе б и не узнали никогда, что такое Хагги Вагги.

Если честно, я была бы рада и дальше не знать о такой игрушке, но нынешнее поколение со странностями, тут ничего не попишешь.

В общем, знакомимся мы с современными трендами в интернете. Интересное изобретение у людей появилось: полезное, но и вредное в то же время.

Посмотрев на новомодные игрушки, мы, чаще всего, сами

понимаем, как их сделать, но с электроникой у нас пока отношения напряженные. Поэтому айфоны и прочие гаджеты у нас только игрушечные.

Не могу сказать, что дети рады получить такой подарок в новогоднюю ночь, но, увы, иначе мы пока не можем.

В пору уж отправить кого-нибудь из мастеров в Китай на обучение, но это всё пока лишь в перспективе.

А сейчас же передо мной пока ещё пустой почтовый зал, который нужно хорошенько отмыть и подготовить к приёму корреспонденции. И заняться этим я должна была ещё час назад, однако сегодня я позволила себе бессовестно проспать.

Пока меня не застукали за безответственным поведением, я быстро принесла ведро воды и гору тряпок и приступила к работе, добросовестно протирая полки от пыли и натирая до блеска все, до чего могла дотянуться.

Когда большая часть стеллажей засверкала чистотой, я позволила себе небольшой перерыв, приземлившись прямо на широкий подоконник и достав из сумки тетрадь, в которой оставалось всё меньше чистых страниц. Уложив её перед собой, я выдернула из скрученных на макушке волос карандаш, который всегда был при мне на случай внезапного вдохновения, и принялась записывать строки, которые успели сформироваться в моей голове, пока я махала тряпкой.

Я тихонько пропела пару фраз, пробуя новый мотив и довольно прикусила кончик карандаша, ощутив тот самый на-

строй, какой и хотела получить от песни.

Стихи получались неплохими. Осталось лишь слегка их докрутить и показать ребятам из моей группы. Уж они точно оценят и выдадут такую аранжировку, от которой половина снежинок схватится за сердце.

Из творческого плена меня вырвал шорох, доносившийся из дальнего угла почтового зала. Я невольно вздрогнула, услышав тихий шелест и тяжелые шаги. Будто кто-то крался на цыпочках, но делал это настолько неумело, что шумел ногами ещё сильнее, чем обычно.

Стало любопытно, кто осмелился ворваться в мои чертоги, поэтому, недолго думая, я свесила с подоконника свои босые ноги и беззвучно соскочила на деревянный пол. Мои шаги были настолько тихими, что в голове мелькнула шальная мысль напугать незваного гостя. Однако, когда я подошла к дальнему ряду стеллажей и резко выпрыгнула из укрытия, преградив руками все пути к отступлению, передо мной никого не оказалось.

Я нерешительно огляделась, пытаясь увидеть следы, оставленные проникателем, но не увидела ничего, что могло бы указывать на то, что здесь кроме меня вообще кто-то был.

- Что за фокусы? - пробормотала я, пройдя чуть глубже в закуток между полками.

Ещё раз оглядевшись и убедившись, что никто не спрятался за шкафом, я выдохнула.

- Кажется, отпуск был для меня коротковат, - хмыкнула я

и развернулась, чтобы вернуться к своему занятию.

В этот момент глаз зацепился за светлый уголок, торчавший из-под шкафа. Сердце пропустило удар, когда я наклонилась, всматриваясь в неожиданную находку.

Это определенно был конверт.

Аккуратно поддев край, я вытащила его и повертела в руках. Даты не было, но было имя - Воронцов Иван.

Письмо было запечатано и выглядело почти как новое. Только мой взгляд бывалого почтальона не обманешь.

Типографский шрифт на конверте был старого образца и не использовался уже целый год. Конечно, возможно, что конверт просто взяли старый, а письмо было свежим, но мне почему-то казалось, что письмо отправлено не в этом году.

Тем более, на дворе август - какой малыш решит написать письмо Деду Морозу настолько заранее?

Пока паника не начала расти, я подбежала к столу и подхватила с держателя телефонную трубку. Быстро набрав номер Ведары, я нервно сжала письмо в руках, пока её строгий голос не зазвучал из динамика.

- Слушаю, - без тени эмоций произнесла она.

- Ведара, привет! Это Айка, - я постаралась, чтобы голос звучал спокойно, хотя письмо уже жгло руку.

- Что на этот раз случилось? - спросила подруга, не скрывая насмешливого тона.

- Ничего не случилось, - поспешила я успокоить то ли её, то ли себя. - Просто хотела узнать, не приходили ли в этом

году письма?

- Айка, ты в сугробе пересидела? - она недовольно цыкнула и я будто наяву почувствовала на себе её взгляд. - Ты хоть раз видела, чтобы кто-то прислал письмо в августе?

- Нет, просто подумала, вдруг кто-то настолько боится опоздать, что решил написать письмо заранее, - мой голос звучал невинно, а взгляд сосредоточился на имени отправителя.

- Тебе ещё пару месяцев без работы сидеть, - с лёгкой ноткой зависти произнесла Ведара. - Как и всегда… Так что не отвлекай тех, у кого всегда работы хватает.

Она бросила трубку, а я тихонько опустилась на стул.

Но как же? Если в этом году письма ещё не приходили, то получается…

Но как? Когда оно пришло? Неужели я его пропустила? Этого быть не может!!!

За все годы, что я работала на почте, я ни разу не накосячила.

Только вот конверт в моих руках, как чья-то жестокая насмешка, говорил об обратном. По моей вине малыш не получил свой подарок на Новый год.

Я в ужасе прикрыла рот рукой, в очередной раз посмотрев на имя мальчика.

- Прости меня, Ванюша, - прошептала я.

Какое-то время я так и сидела, пытаясь осмыслить происходящее, но вскоре поняла, что должна хотя бы узнать, что

этот малыш хотел получить в новогоднюю ночь.

Я осторожно раскрыла конверт и ещё минуту не решалась достать само письмо. Затем, сделав глубокий вдох, как перед прыжком, я выдернула из конверта аккуратно сложенный тетрадный листок и развернула его.

Глаза бегали по строчкам, а сердце стучало так быстро, будто я марафон пробежала.

Здравствуй, дорогой Дедушка Мороз!

Меня зовут Ваня.

В этом году я вёл себя хорошо. Ну почти хорошо. Недавно я разбил мамину вазу. Но это было случайно. Правда-правда.

Я очень надеюсь, что ты мне веришь.

Когда я вырасту, я стану машинистом!

Прошу тебя, подари мне, пожалуйста паровозик. Я буду с ним играть и никому не дам его ломать. Обещаю!

Спасибо тебе, Дедушка Мороз!

И с Новым Годом!

Ваня

Я смахнула выступившую слезу и вновь перечитала письмо. А затем ещё раз. И ещё…

Бедный малыш. Он так хотел паровозик, а из-за меня не получил его. Он ведь, наверное, так ждал.

Мысли метались со скоростью света. Что мне делать? Пойти к Дедушке с повинной? И что он скажет? Что я непутёвая снежинка, разрушившая мечту маленького Ванюши?

А вдруг из-за меня он перестал верить в новогоднее чудо? От этой мысли внутри все похолодело.

Но как такое вообще могло произойти? Я ведь сотни раз проверила весь почтовый зал. Я никогда не позволяла себе халатности по отношению к детям.

И всё же… Всё же пропустила Ванюшу, оставила его без подарка, с разбитой мечтой.

- Так, Айка, хватит! - я громко хлопнула ладонью по столу. - Самобичеванием ты делу не поможешь.

Я решительно поднялась со стула, бросив быстрый взгляд на стену, где висели часы в форме снежинки и кивнула.

- Сейчас ты пойдёшь вместе со всеми на инструктаж, а потом… Потом ты решишь, что делать.

Мысли о предстоящем собрании меня взбодрили и я, натянув привычную улыбку, отправилась в общий зал, где уже почти не осталось свободных мест.

***

- Айка!

Я увидела руку, которая мельтешила над головами снежинок, а затем и широкую улыбку, которая всегда была на папином лице, стоило ему увидеть меня.

Я подбежала к нему, плюхнувшись на свободный стул рядом с ним.

- Спасибо, пап, - я благодарно улыбнулась ему.

- Я знал, что ты как всегда задержишься где-нибудь, - он

не удержал смешок и внимательно всмотрелся в моё лицо. - Что случилось?

Я не сомневалась, что он сразу же заметит мою нервозность, но рассказывать о письме сейчас было неудобно.

- Потом, пап, - отмахнулась я. - Всё нормально.

Он с сомнением посмотрел на меня, но спорить не стал.

В этот момент дверь в углу открылась и голоса в зале мгновенно стихли. Неспешной поступью, опираясь на свой длинный посох, зашёл Дедушка Мороз и, окинув взглядом притихших снежинок, улыбнулся. Хотя его улыбку было трудно разглядеть в его длинной седой бороде, но его выдавали глаза - добрые с искорками радости.

- Здравствуйте, снежинки! - его мягкий, но громкий и уверенный голос разнёсся по залу.

Снежинки, сидевшие вокруг меня повскакивали со своих мест и захлопали в ладоши, приветствуя нашего главаря.

Дедушка Мороз вновь улыбнулся и махнул рукой, призывая к тишине. Он медленно прошел к центру зала, где возвышался его ледяной трон и плавно опустился.

- Ну что, снежинки? Отдохнули? - его насмешливый тон тут же подхватил зал.

Сзади послышались смешки, да и я незаметно для себя улыбнулась, вспомнив последние полгода лентяйства.

- Хорошо. Потому что теперь отдыхать нам будет некогда.

Смех стал ещё громче. Дед Мороз тоже улыбнулся, но тут же поднял ладонь.

- Шучу. Отдыхать будете, но строго по расписанию. В прошлом году трое особенно деятельных снежинок решили, что сон перед Новым годом - понятие условное. Не будем повторять их подвиг. Один уснул прямо в упаковочном цехе, второй - в коробке с мягкими игрушками, а третьего мы обнаружили утром в конюшне. Напомню, что подковы моей Тройки есть кому проверять.

В зале снова засмеялись.

- В общем, - продолжил Дедушка Мороз, - начинается наше самое важное время года.

Он говорил спокойно, без громких интонаций, но его все слушали внимательно.

- Для людей Новый год длится всего один день. Для нас же он начинается гораздо раньше. Сегодня. С первых списков, первых заказов и первых вопросов: «А точно ли мы успеем?». Успеем, дорогие мои. Но только если каждый будет делать свою работу.

Он сделал небольшую паузу.

- За ближайшие месяцы нам предстоит изготовить подарки, разобрать письма, подготовить упаковку, проверить мастерские, склады, транспорт, маршруты и, разумеется, все наши запасы зимнего волшебства. Отдел писем - особенно внимательно. Не пропускаем ни одного обращения.

Я невольно подняла голову и встретилась взглядом с Дедушкой Морозом. Он смотрел на меня всего мгновение, а затем отвернулся и продолжил речь.

- Не торопимся там, где нужно разобраться. И помним: иногда ребёнок пишет одно, а просит совсем о другом.

Несколько снежинок из отдела по работе со сложными письмами понимающе переглянулись.

- Если встретите необычное желание - не пытайтесь решить его самостоятельно. Для этого у нас есть специально обученный отдел. И нет, - Дедушка Мороз посмотрел куда-то в дальний ряд, - письмо, написанное зелёными чернилами на обёртке от пряника, не является поводом отправлять его туда.

Кто-то тихо хихикнул.

- Что касается мастерских. Игрушки проверяем дважды. Ах да… И ещё одно. В этом году особенно следим за проходами между нашей Вотчиной и человеческим миром. Входы не открываем одновременно. Никогда. Ни при каких обстоятельствах. Даже если вам кажется, что «ну я только на минутку». Мы уже выяснили, что такое «минутка» в исполнении снежинки. За одну такую минутку прошлым летом половина туристической резиденции покрылась инеем.

По залу прошёл смешок.

- Туристы решили, что это новая праздничная программа. Нам пришлось срочно сделать вид, что так и задумано.

Дед Мороз покачал головой.

- Поэтому правила соблюдаем. Человеческий мир наблюдаем, изучаем и посещаем только с разрешения. И помним главное: мы не должны нарушать их жизнь и тем более рас-

крывать то, что должно оставаться тайной.

Он посмотрел на собравшихся уже совсем серьёзно.

- Но при всей этой работе я хочу, чтобы вы помнили ещё кое-что.

В зале стало тихо.

- Мы делаем не просто игрушки. Не просто собираем коробки. Не просто читаем письма, - он улыбнулся. - Для кого-то из детей наш подарок станет первой настоящей мечтой, которая сбылась. Для кого-то - воспоминанием, которое останется на всю жизнь. А иногда человеку нужен вовсе не тот подарок, который он написал в письме.

Дед Мороз на мгновение задумался.

- Поэтому работайте внимательно. Не бойтесь задавать вопросы. Не стесняйтесь просить помощи. И не забывайте, зачем мы вообще всё это делаем, - он расправил плечи. - А теперь - за работу.

Несколько снежинок уже начали подниматься со своих мест.

- Ах да, - Дедушка Мороз хлопнул в ладоши и все вновь обратили на него внимание. - На сегодня рабочий день закончен.

Он улыбнулся и, подхватив свой посох, бодрым шагом направился к двери, напевая под нос Маленькой ёлочке холодно зимой.

Я проводила его взглядом и нервно сжала руки.

- Пап, нам нужно поговорить, - тихонько, чтобы услышал

только он, проговорила я.

***

- То есть как пропустила? - голос мамы разнёсся по почтовому залу и затерялся где-то среди дальних шкафов.

- Мне бы и самой хотелось знать - как, - я устало опустилась на стул и достала найденный конверт.

Родители дружно пробежались глазами по строчкам письма и затихли.

- Айка, нужно идти к нему! - вынесла вердикт мама.

- Постой, Всемила, не торопись, - отец задумчиво почесал затылок.

- Чего не торопись, Лешек? - мама аж всплеснула руками. - Ты представь, что будет, если мы письмо спрячем? Нас за такое по головке не погладят.

- Так я и не предлагаю прятать, - справедливо заметил папа.

- А какие ещё у нас варианты? - не унималась мама, расхаживая по залу и причитая на всех языках, которые успела изучить за свои сто четыре года жизни.

- Погоди ты, не мельтеши, - отец махнул на неё рукой и, о чудо, мама послушно села на стул, выжидающе глядя на мужа.

Я смотрела на родителей и не могла отделаться от мысли как же мне с ними повезло. Они у меня совершенно разные. Одна - паникёрша, которая вечно боится, что о нас подума-

ют другие снежинки, если мы будем жить и вести себя иначе, чем другие. Второй - стратег, который любую проблему способен решить, продумав все варианты развития событий. Мама - хрупкая, маленькая, с бойким взглядом серо-зелёных глаз и пушистыми рыжими кудряшками. Папа же - высокий статный, со светлой, взъерошенной шевелюрой и льдисто-голубыми глазами. Каким-то немыслимым чудом эти двое нашли друг друга и вот уже шестьдесят два года живут душа в душу.

Разве что я подкидываю им иногда задачки, как сегодня, например.

Внешне я была копией мамы, но характер мне достался от дедушки, о чём мне неустанно твердили все члены семьи. Папин отец всегда поддерживал мои идеи и даже сам был не прочь ввязаться во что-то эдакое. Жаль, конечно, что сейчас он далеко - на пенсии ему приспичило изучить человеческую кухню. Поэтому сейчас они с бабушкой во Владивостоке, познают дальневосточный колорит, едят морских ежей и понятия не имеют, как их внучка влипла.

- Придумал, - сказал наконец папа и примостился на свободный стул. - Айка, ты никому ничего не скажешь.

- Но милый.. - начала было мама, но увидев поднятую ладонь папы, мгновенно затихла.

- Ты права, Всемила. Айку за потерянное письмо не похвалят, а вот познать на себе гнев Деда Мороза она может вполне.

Я поёжилась от такой перспективы. На самом деле про его гнев среди снежинок ходит немало легенд. Одна страшнее другой - и не скажешь, что на подобное способен дедушка с добрейшими глазами и светлой улыбкой.

Хотя, справедливости ради, ни одна из ныне живущих снежинок на себе этот самый гнев не ощутила. Застрашили нас старики, вот мы и стараемся не косячить.

- Предлагаю нам самим подготовить подарок в тайне. Что там малыш просил? - папа перечитал письмо и довольно улыбнулся. - Паровозик я сделаю на раз-два. Велерад поможет с упаковкой. Уж он тебя точно не выдаст - вы с пелёнок вместе. Ну и вручим подарок Ванюше. С опозданием, конечно, но я думаю, он поймёт. Людские детки чуткие. И всё - его желание исполнится, письмо исчезнет - никаких улик!

Мне папина идея нравилась. Было в ней что-то бунтарское, лихое. Только вот…

- А как мы его вручим-то? - спросила я его, осознав масштаб трагедии. - Вы уже давно забросили свои вылазки к людям, а мне даже практику пройти до сих пор не предлагали.

Папа вновь почесал затылок и затих ненадолго.

- Сходишь к Ведаре, - наконец выдал он. - Запишись на практику и, когда придет время, тогда поезжай в город к этому мальчику.

Я взяла конверт и посмотрела адрес

- Город Москва, - прочитала адрес отправителя и выдохнула. - Сложный город для первого знакомства с людьми.

- А ты откуда знаешь? - полюбопытствовала мама.

- Девчонки рассказывали. Они в том году там людей изучали. Вернулись уставшие и сказали, что люди там странные, - припомнила я их рассказы.

- Ничего. Ты девочка бойкая, справишься, - папа посмотрел на меня с тёплой улыбкой.

- А вдруг за этот год Ванюша переехал? - спросила я. - Люди ведь вечно едут куда-то, где им будет лучше, по их мнению.

Я задумалась. Что ими движет? Ведь если ты счастлив, то не будешь никуда бежать. Разве нет?

- Возможно… - пробормотал отец. - Думаю, с этим тебе поможет Молчан. Он ведь в отделе маршрутов работает. Он найдет Ванюшу, где бы он ни был.

- Точно, - хлопнула я в ладоши. - Я об этом не подумала. Спрошу его сегодня на репетиции. Как раз хотела ребятам песню новую показать.

Я радостно вскочила со стула, подбежала к родителям и, чмокнув их в щёки, вприпрыжку побежала из зала.

- Спасибо, - крикнула им на ходу и помчалась в дом культуры, где нам выделили помещение для репетиций в старом подвале - единственном, способном удержать шум от барабанов и гитарного соло.

5 августа. Вотчина, там, где рождается музыка

Молчан в последний раз ударил палочками и следом за ним я дёрнула Льдинку, позволив ей громыхнуть последним аккордом.

На пару мгновений повисла тишина, которая резко оборвалась довольными возгласами ребят.

- Это нечто! - с горящими глазами выдал Велерад, отходя от синтезатора.

- Точно! - поддакнул Хорс. - Айка, ты гений!

Молчан лишь хмыкнул и кивнул, соглашаясь с парнями.

- Да я то что? Это вы довели песню до ума, - я с восторгом взирала на друзей, чувствуя нарастающую радость внутри. - По-моему, это станет новым гимном снежинок.

- Это ты разогналась, конечно, - усмехнулся Хорс. - Мне вообще кажется, что наши старики никогда не привыкнут к нашей музыке.

- Ничего, когда-нибудь чудо случится, - подмигнул Велерад.

Ребята стали обсуждать аранжировку, придумывая, что можно улучшить, чтобы песня заиграла ещё лучше, а я с улыбкой наблюдала за ними.

Активнее всех выступал Велерад - высокий парень с тём-

ным ёжиком на голове. От людей он подцепил панк стиль, который, к слову, ему дико подходил. Кожаные куртки, браслеты с шипами, подвески, цепи, ботинки на толстой подошве, рваные джинсы - все это стало его неотъемлемой частью на сцене. В обычной жизни его наряды были более сдержанными, но аксессуары стали его слабостью.

Молчан полностью оправдывал своё имя - разговаривал редко и строго по делу. Его голосом стали барабаны, и на этом языке он разговаривал великолепно. Худой, всегда спокойный, с усталым взглядом карих глаз и копной русых волос, он почти всегда сидел в стороне. Но при этом он был настолько внимательным к остальным снежинкам, что его даже прозвали немым психологом.

Ему не нужно было ничего говорить, в его присутствии любой мог найти то самое спокойствие, которое помогало взглянуть на любую проблему под другим углом. Но если он всё же говорил, то находил самые нужные слова из возможных.

Хорс - душа нашей компании. Вечно с широкой улыбкой, горящим взглядом, блондинистым гнездом на голове и с кучей интересных идей. Он больше всех знал о людях. Именно он занимался подготовкой снежинок к практике и принимал у них экзамен по Человекологии.

Мне с ними повезло. Дружба наших родителей связала нас ещё в детстве, и с тех самых пор мы всегда вместе. Помощь, поддержка, свободные уши, если нужно. Мы стали се-

мьёй, как братья и я - мелкая снежинка, за которой всегда нужно присматривать.

А когда мы создали группу, наша связь стала только крепче.

Я улыбнулась своим мыслям, вспоминая, с чего вообще всё началось.

Это было давно.

Мне всегда нравилась музыка. Она умеет рассказывать истории. Для этого даже не всегда нужны слова, иногда достаточно только рояля, или скрипки, или гитары.

К слову, на гитаре меня научил играть папа, когда я была ещё совсем юной.

Раньше, когда у нас было только радио, я часто выкручивала переключатель на музыкальные радиоволны. Каких там только не было… Наше радио, MAXIMUM, DFM, Радио ENERGY, Love Radio, а иногда даже Дорожное радио, переносящее тебя в мир, где ты очень долго едешь куда-то, наслаждаясь дорогой и неизвестностью, которая ждет тебя впереди. Там, куда ты держишь свой путь.

Жаль, что я никогда не переживала таких моментов сама. Но я уверена, что однажды это изменится.

Сейчас я мысленно вернулась в тот день, когда впервые услышала песню Skillet - Comatose.

Я сидела в почтовом зале, раскладывая письма в аккуратные стопки, а из радиоприемника лился какой-то совершенно невозможный звук - тяжёлый, резкий, будто кто-то взял

музыку, которую я привыкла слушать, и хорошенько встряхнул.

Гитара рычала, ударные били так, что хотелось отбивать ритм пяткой, а голос…

Я замерла.

Вот это был голос.

Не нежный, не воздушный, не такой, который просится в зимнюю сказку. Он был сильным, немного хриплым и каким-то совершенно живым.

Я прибавила громкость. Потом ещё.

А потом обнаружила, что сижу, вцепившись пальцами в край стола, и улыбаюсь.

- Да ладно…

Музыка закончилась, и я несколько секунд просто смотрела на конверт перед собой.

Внутри было странное ощущение, будто я только что обнаружила дверь, которой раньше не существовало.

С тех пор я ждала эту песню каждый день и радовалась, как маленький ребёнок, когда слышала знакомые аккорды.

Потом в Вотчине появился интернет - позже, чем во всём мире, но это ничего… Мы народ неторопливый. Большая его часть, если уж говорить честно. Некоторые снежинки, в чьё число входила и я сама, всегда считали, что где-то или в чём-то вечно опаздывают.

Именно тогда я по-настоящему ворвалась в мир рока. Быстро освоилась на просторах всемирной сети, нашла уро-

ки игры на электрогитаре и…

Вы бы видели лицо Ведары, когда одним счастливым утром я получила свою долгожданную посылку. Моя белоснежная Льдинка тогда наделала шуму во всех смыслах, ведь я даже не смогла дотерпеть до дома и опробовала гитару прямо в архиве, куда Велерад заранее притащил усилитель.

Бедные снежинки объявили тревогу и приготовились к эвакуации из Вотчины, пока я вживалась в роль рокерши и бездумно дергала струны на совершенно не настроенной гитаре.

Это позже я освоила игру на Льдинке в полной мере, подбив параллельно своих друзей на создание группы.

Теперь у нас есть барабанщик Молчан, клавишник Велерад, басист Хорс, ну и я - гитаристка и солистка. Ну а назвались мы СнегопАД. Несложно догадаться, кто подбирал название.

За последние годы к нашей музыке наконец привыкли. Мы даже выступаем на наших городских гуляниях, хотя старшие снежинки до сих пор вздрагивают увидев нас на сцене.

Их не за что винить - их молодость прошла в компании оперы и романсов.

Когда-нибудь и мы станем стариками и будем ворчать на подрастающих снежинок за их музыку, словечки и моду.

Так было всегда, так и будет дальше.

- Айка, что там с паровозиком? - ворвался в мои мысли

голос Хорса.

- Папа почти закончил работу над ним, - ответила я.

Времени свободного на сторонние занятия у папы маловато. Отдел заказов уже прислал смету на изготовление классических подарков, которые каждый год гарантированно заказывают малыши. Так что производственный цех уже во всю работает, не дожидаясь писем.

- Отлично! Значит скоро упакуем и доставим, - потёр в ладоши Велерад.

- Я узнал адрес, - подал голос Молчан, - Москва, Большая Черёмушкинская 26, квартира 47.

- Так быстро? - удивилась я, взглянув на друга. - Спасибо!

Я схватила блокнот и поспешила записать адрес Ванюши.

- Это было нетрудно, - пожал плечами Молчан.

- Тогда осталось самое сложное - разговор с Ведарой, - ухмыльнулся Хорс.

- Может ты с ней поговоришь? - предложила я, заметив взгляд друга.

- Нет, Айка, даже не проси! - он аж отшатнулся от такого предложения.

- Ну а что? Ты с ней чаще общаешься по работе. Уж если кто и сможет убедить её отправить меня на практику, так это ты, - я невинно пожала плечами, наблюдая, как щёки Хорса вспыхнули.

- Не буду я с ней говорить, - категорично ответил друг, вызвав на наших лицах улыбки. - Подготовить тебя к миру

людей - запросто. Всему научу, все расскажу, но с ней говори сама. Вы ведь подруги, в конце концов!

- Хорошо, - кивнула я, пряча ухмылку.

Эта парочка уже давно вызывает у нас вопросы. Они постоянно цепляют и задевают друг друга и выглядят при этом максимально довольными. Как будто вечные препирательства и взаимные подколы - их смысл жизни.

Что-то мне напоминали их отношения. То ли в книге читала, то ли в фильме каком видела - не помню. Уверена только, что это было что-то романтическое.

Хихикнув от этой мысли, я встала с диванчика и попрощалась с ребятами.

Впереди меня ещё ждет куча дел и подготовка к серьёзному разговору, от которого зависит, получит ли Ванюша свой подарок.

12 августа. Вотчина, кабинет начальника отдела организации труда

К Ведаре я отправилась сразу после обеда.

По дороге успела придумать как минимум семь вариантов начала разговора. В четырёх из них она соглашалась сразу, в двух долго думала, а потом всё равно соглашалась. И только в одном говорила «нет».

Почему-то именно последний вариант казался мне сейчас самым реалистичным.

Я остановилась перед дверью её кабинета, глубоко вдохнула и постучала.

- Войдите, - раздалось из-за двери.

Я осторожно заглянула внутрь.

Ведара сидела за столом, склонившись над бумагами. Ее тёмные волосы были собраны в идеальный пучок, голубые глаза внимательно изучали бумаги через очки в чёрной оправе. Кипельно белый брючный костюм сидел идеально - словно сшит на неё. Перед ней лежало сразу несколько раскрытых папок, рядом стояла кружка с давно остывшим чаем, а стопка документов на краю стола угрожающе покосилась в сторону прохода.

- Ты занята? - спросила я, уже зная ответ.

Ведара подняла голову и посмотрела на меня поверх очков.

- До твоего прихода я просто работала. Теперь пытаюсь понять, с чем ты пришла и насколько сильно это повлияет на мой рабочий день.

- Почему ты сразу думаешь, что я принесла проблемы? - я подозрительно прищурилась.

- Потому что в рабочее время ты никогда не приходишь ко мне просто так, - она спокойно пожала плечами и кивнула в сторону свободного стула.

Я обиженно нахмурилась, но всё-таки вошла и закрыла за собой дверь.

- Вообще-то я хотела кое-что спросить, - осторожно начала я.

- Хорошо, спрашивай, - Ведара отложила ручку и откинулась на спинку кресла, внимательно глядя на меня.

Я уселась на стул напротив и на секунду замялась.

Почему-то сейчас, когда нужно было просто открыть рот и сказать несколько слов, всё вдруг показалось гораздо сложнее.

- Я хотела узнать у тебя по поводу практики в человеческом мире.

Ведара даже не удивилась, только медленно сняла очки и положила их поверх бумаг.

- Нет.

- Но почему сразу нет? - возмутилась я.

Ведара вздохнула и снова взяла очки в руки, покрутив их за дужку.

- Потому что сейчас август, Айка. График прохождения практики на этот год уже утверждён. Все места распределены, снежинки знают, когда и куда отправляются. Нельзя просто взять и добавить ещё одну снежинку в список.

- А если очень попросить? - мой взгляд сейчас точно был как у кота из Шрека.

- Попросить можно, но список от этого не изменится, - категорично ответила Ведара

Я немного сникла. Я знала, что будет трудно, но не представляла, что настолько.

- То есть вообще никак? - уточнила я.

- В данный момент - никак.

Она говорила спокойно, без раздражения, и от этого спорить было ещё сложнее. Если бы Ведара просто отмахнулась от меня, я бы хотя бы могла возмутиться. Но она явно не пыталась мне отказать из вредности. Хоть мы и дружили, в плане работы она была, как мне всегда казалось, излишне строгой.

Я помолчала, потом всё-таки решила объяснить, зачем мне это нужно.

- Ведара, ты ведь знаешь, я уже давно хочу побывать у людей, - сказала я тише, рассматривая свои сцепленные перед собой пальцы. - Не просто посмотреть на них через интернет или почитать что-нибудь, а действительно попасть в их мир.

- Почему именно сейчас? - Ведара внимательно посмотрела на меня.

- Не знаю, - честно призналась я. - Наверное, потому что мне с каждым днём становится интереснее узнать, как они живут.

Я пожала плечами и принялась загибать пальцы.

- Я хочу увидеть обычный город. Не Великий Устюг за завесой, в который люди приезжают посмотреть на сказку специально, а настоящий город. Хочу проехать на их транспорте, зайти в магазин, посидеть в кафе, посмотреть, как они работают, как общаются между собой. Мне интересно, какие они, когда не пишут нам письма и не ждут Новый год.

На последних словах Ведара чуть заметно улыбнулась.

- Ты довольно много о них знаешь для того, кто ни разу не проходил практику.

- Я много читаю, - гордо ответила я. - И смотрю.

- В интернете, знаю я, - она покачала головой.

- Ну да, - почему-то сейчас мне показалось, что я ляпнула глупость.

- Айка, интернет и реальная жизнь - не одно и то же.

- Я знаю.

- Правда? - она вопросительно выгнула бровь.

Я хотела уверенно кивнуть, но почему-то остановилась.

- Ну... предполагаю.

- Уже лучше, - подруга усмехнулась.

Я тоже улыбнулась. Разговор вроде бы шёл неплохо. По

крайней мере, меня пока не выгнали.

- Я очень хочу понять, каково это - просто жить среди людей, - продолжила я. - Не выполнять работу, не наблюдать за ними через монитор, не сидеть над письмами и думать, почему какой-нибудь мальчик просит у Деда Мороза зелёную машину, хотя ему на самом деле хочется совсем другого. А просто... быть там.

Ведара ненадолго задумалась.

- И что ты собираешься изучать?

- Всё.

- Очень содержательный план, - она посмотрела на меня, как на ребёнка.

- Хорошо... Быт, культуру, современные привычки, технологии, транспорт, еду… - начала перечислять я, уставившись в потолок.

- Еду? - удивленно переспросила Ведара.

- Конечно. Ты хоть видела, сколько у них всего в магазинах? - я вспомнила рекламу какого-то магазина с доставкой, где были кадры с бесконечными прилавками.

- Видела, - она на мгновение задумалась.

- Вот! А я хочу всё это попробовать, - я ткнула пальцем себе в грудь, чтобы у Ведары не осталось сомнений в моих желаниях.

- И куда ты хочешь отправиться? - она покачала головой, но в её глазах мелькнуло веселье.

- В Москву, - уверенно произнесла я.

- С чего ты решила, что Москва - подходящее место для первой практики? - на этот раз она даже не стала скрывать удивления.

- Потому что там много людей, - знаю, не самый убедительный аргумент, особенно после рассказов других снежинок. Но мне нужно было попасть именно туда и озвучить Ведаре настоящую причину я не могла - боялась.

- Именно это меня и беспокоит.

Я невольно рассмеялась.

- Я серьёзно, Айка, - продолжила Ведара уже спокойнее. - Ты никогда не была среди них самостоятельно. Ты знаешь человеческий мир по фильмам, книгам, интернету и письмам. Но если потеряешься в Вотчине, ты знаешь каждый переулок. Если потеряешься в Москве, я даже не хочу представлять, сколько времени ты будешь искать дорогу обратно.

- Я не потеряюсь.

- Это сейчас ты так думаешь.

- Я могу пользоваться картами, - я упрямо поджала губы.

- А если телефон разрядится?

- Найду зарядку.

- А если ты не поймёшь, что человек тебе говорит?

- Переспрошу, - не отступала я.

- А если человек спросит, откуда ты? - она внимательно посмотрела на меня.

- Из Великого Устюга.

- Ну хоть не выпалила свой адрес в Вотчине - уже хорошо,

- Ведара устало выдохнула.

- Ведара, я не настолько беспомощная.

- Я этого и не говорю. Но человеческий мир сложнее, чем кажется со стороны. И именно поэтому практику проходят по установленной программе. Сначала подготовка, потом документы, потом определение места, потом сама поездка. За каждую снежинку, которую мы отправляем туда, кто-то отвечает, - она постучала пальцем по лежащей перед ней папке. - А ты хочешь попасть туда просто потому, что тебе интересно.

- Разве это плохая причина? - в этот момент мне показалось, что бой уже проигран.

- Нет, - Ведара немного помолчала. - На самом деле хорошая.

- Правда? - я сразу оживилась.

- Правда. Мне даже кажется, что тебе давно стоило попробовать. Слишком ты на людях зациклена, а так хоть увидела бы их вживую. Но желание не отменяет правил.

- А если я пройду подготовку заранее? - я снова посмотрела на папку.

- Это ничего не изменит в этом году.

- Но почему?

- Потому что график утверждён, - Ведара положила руку поверх папки и задумчиво постучала по ней пальцами.

- Но ведь в нём могут что-то изменить? - уточнила я.

- Теоретически - да.

- Значит, всё-таки могут! - я выпрямилась.

- Теоретически, Айка, - Ведара посмотрела на меня поверх очков.

- А практически?

- Практически снежинки обычно не исчезают из графика просто потому, что тебе захотелось занять их место, - она не скрывала иронии.

- Я не говорила, что хочу чьё-то место.

- Но именно это сейчас и предлагаешь.

Я замолчала - она была права.

- Ладно, - наконец сказала я. - Тогда что мне делать?

Ведара вздохнула и достала из шкафа тонкую папку.

- Если ты действительно хочешь пройти практику, подашь заявку на следующий год. А до этого пройдёшь подготовку. Если появится свободное место раньше, я рассмотрю твою кандидатуру.

- То есть шанс есть? - я уставилась на неё.

- Есть.

- А какой?

- Не знаю, - заметив моё расстроенное лицо, Ведара всё же смягчилась. - Прости, Айка, я стараюсь быть честной.

- Хорошо, тогда я подам заявку, - я невольно улыбнулась и взяла себя в руки.

- Вот и договорились, - просияла подруга.

Я уже поднялась со стула, но на полпути к двери остановилась и молча обернулась.

Следующий год...

От этой мысли внутри неприятно кольнуло. Я могла бы подождать. Конечно, могла. Для снежинки год - не такой уж огромный срок.

Но ведь на самом деле проблема была не в самой практике. Перед глазами снова возник старый конверт.

Воронцов Иван - мальчик, который написал письмо Деду Морозу и попросил паровозик.

Я обещала ему подарок.

Вернее, нет. Не совсем так.

Я пообещала самой себе, что Ванюша получит свой паровозик в этом году. Не через год, не когда-нибудь потом, а именно сейчас.

Я представила, как отец закончит игрушку, как мы её упакуем, как я наконец доберусь до Москвы и отдам её тому самому мальчику.

Но надежда всё же есть - её мне только что подарила Ведара, сама того не зная.

- Айка… - она снова взяла папку с бумагами.

- Да?

- Если такая возможность появится, не заставляй меня пожалеть о своём решении.

- Не заставлю, - я широко улыбнулась.

- И ещё одно.

- Что?

- Никаких самостоятельных экспериментов с человече-

скими технологиями, - Ведара строго посмотрела на меня.

- Я ничего не обещаю, - я невинно подняла руки.

- Айка!

- Хорошо. Я постараюсь, - честно ответила я, подарив напоследок благодарную улыбку.

Ведара лишь покачала головой, хотя я успела заметить улыбку, которую она старалась спрятать.

Я наконец вышла из кабинета и пока закрывала за собой дверь, уже думала только об одном.

Пожалуйста, пусть это место появится!!!

Потому что теперь мне было мало просто попасть в человеческий мир. Мне нужно было успеть к одному маленькому Ванюше.

24 сентября. Вотчина, почтовое отделение

Хорс с глухим стуком уронил на мой стол пять огромных папок, из которых опасно торчали стопки бумаг, грозясь устроить бумажный взрыв.

Я осмотрела масштаб предстоящего обучения и нервно закусила губу.

Хорс, как ни в чем не бывало, сел на стул со своей лучезарной улыбкой и закинул ноги на угол моего стола, рискуя скинуть принесенную макулатуру прямо на пол.

- Ноги убери, не дома, - хлопнула наглеца по колену и сложила руки на груди. - И сколько у меня на это времени?

- Месяц, может два, - послушно опустив ноги, ответил друг. - Зависит от того, когда ты получишь практику.

- Да мне это и за год не выучить, - справедливо заметила я, разглядев мельчайший шрифт на торчащем листе бумаги.

- Поэтому на практику и записываются заранее, - пожал плечами Хорс.

- Ты ведь знаешь мою ситуацию, - я с жалобным видом посмотрела на него.

- Знаю. Поэтому из всего этого добра выделил для тебя самое важное, - Хорс весело подмигнул мне и открыл верхнюю папку. - Я наклеил стикеры на те листы, которые нужно

будет изучить в первую очередь. Это самые важные правила поведения в человеческом мире.

- Тогда зачем остальные тысячи страниц текста?

- Айка, что за вопросы? - парень самодовольно усмехнулся. - Мне же нужно делать вид, что я занят, вот и описываю людские особенности особенно подробно.

- То есть всё ради объёма методичек? - хмыкнула я.

- Обижаешь, - друг бросил на меня недовольный взгляд. - Здесь всё по существу, просто далеко не все пригодится на практике. Но в целом, мои записи - практически точный путеводитель по миру людей. Да и, позволю заметить, чтиво действительно интересное.

- Спасибо, Хорс, - я обняла друга и вновь взглянула на гору бумаг. - Понятия не имею, когда этим заниматься. Сегодня я получила первое письмо от малышки из Екатеринбурга. Совсем скоро от писем не будет отбоя.

Хорс понимающе кивнул и задумчиво потёр подбородок.

- У тебя есть пара недель до начала письменных атак - не теряй время, - он лениво потянулся и встал. - Не переживай. Изучай всё внимательно, а когда наступит время, я помогу тебе со сдачей экзамена.

- Спасибо тебе, - я благодарно улыбнулась.

В этот момент дверь с шумом распахнулась и в зал вбежал Велерад, внимательно оглянувшись, прежде чем закрыть за собой дверь.

Он держал руку под курткой за спиной, что-то пряча. По-

дошел ближе к нам и осторожно заглянул за угол шкафа. Конспиратор тот ещё.

Убедившись, что посторонних в помещении нет, он облегчённо выдохнул и протянул мне белую коробку с зелёным бантом.

Сердце пропустило удар, когда я поняла, что он принёс мне.

- Уже? Это он? Можно посмотреть? - затараторила я, выхватив из его рук подарок для Ванюши.

- Я не для тебя его упаковывал, - цыкнул Велерад. - Вернее, для тебя, конечно, но не совсем.

- Да, прости, - я виновато потупила взгляд, борясь с любопытством.

- Ничего, я понимаю, - усмехнулся он. - Я уверен, что Ванюша раскроет его сразу, как ты вручишь его ему, так что всё увидишь. Не порть себе момент чистой радости.

Ребята, как и я сама, не сводили глаз с красиво упакованного подарка. Прямо сейчас в моих руках был маленький ключик к доверию Ванюши, который за этот год мог потерять веру в новогоднее чудо.

Эта коробочка была для нас маленьким символом того, что никогда не поздно исправить ошибку. Ведь с того момента, как я нашла потерянное письмо, прошло почти два месяца. Одна моя ошибка заставила нашу небольшую команду сотворить нечто потрясающее.

И дело даже не в самом подарке, а в том, с какой отдачей

мы все взялись за операцию исполним желание Ванюши.

- Я вас так люблю, - всхлипнула я, пытаясь удержать в себе неизвестно откуда взявшиеся слёзы сентиментальности.

- Если ты сейчас заплачешь, я.. - Хорс пытался придумать убедительную угрозу, но в итоге сдался и махнул рукой. - Ладно, давай, затопи тут всё.

- Да ну тебя, - рассмеялась я.

- Айка, теперь дело за тобой, - Велерад хлопнул меня по плечу и кивнул в сторону папок. - Сделай их!

- Так точно! - я приложила ладонь к виску.

- Ну куда ты, к пустой голове-то, - Хорс с улыбкой покачал головой.

Распрощавшись с друзьями, я заняла своё рабочее место и открыла первую папку.

Человекобыт. Вводный курс

Что ж, этот месяц обещает быть интересным.

29 октября. Вотчина, почтовое отделение

- Так, ученица, закрывай методичку. Сегодня проверим, насколько хорошо ты усвоила материал.

Хорс с таким торжественным видом уселся напротив меня, что я невольно посмотрела на дверь. Не хватало ещё, чтобы он явился с экзаменационной комиссией. Хотя, зная Хорса, он вполне мог привести Велерада в качестве независимого эксперта, а Молчана - для устрашения нерадивых студентов.

Я нехотя захлопнула папку «Человековедение» и отодвинула её подальше. За последние полтора месяца я успела прочитать столько о человеческой жизни, что иногда мне начинало казаться, будто я знаю о людях больше, чем они сами. Правда, стоило открыть очередной раздел, как это приятное ощущение быстро улетучивалось.

- А можно я сначала допью чай? - спросила я, обхватив ладонями кружку. - Мне кажется, знания усваиваются гораздо лучше, если организм не занят мыслями о том, как бы согреться.

- Конечно. Можешь даже бутерброд съесть - я не жестокий, - великодушно разрешил Хорс и придвинул к себе стопку листов. - Но учти - после начала проверки никакой еды и

никаких подсказок из учебника.

- А откуда я тогда буду списывать? С потолка?

- Если ты вдруг найдёшь там ответы, обязательно поделись. У нас в человекологии до сих пор не закрыта эта научная проблема.

Я прыснула в кружку и едва не облила стол. Хорс дождался, пока я справлюсь с чаем, после чего достал первый лист и с важным видом поправил несуществующие очки.

- Итак, начнём с простого. Предмет «Человекобыт». Ты находишься в человеческом городе, хочешь купить еду. Твои действия?

- Ищу магазин, выбираю продукты, оплачиваю покупку и возвращаюсь домой, - уверенно перечислила я, загибая пальцы.

- А если у тебя с собой мало денег?

- Если денег не хватает, покупаю меньше. Если магазин закрыт, ищу другой. Если потерялась, открываю карту в телефоне, - я предотвратила поток вопросов, которым Хорс завалил бы меня.

Он внимательно выслушал мой ответ и одобрительно кивнул.

- Хорошо. Ты удивишься, сколько снежинок на практике теряются, стоит им столкнуться с первым же неудобством. Ладно, с человекобытом пока закончим.

Он сделал пометку в листе, и я с облегчением выдохнула. Первое испытание пережито. Возможно, всё не так плохо,

как мне казалось.

- Теперь человекотехния. Ты стоишь перед кассой самообслуживания. На экране написано: «Положите товар в зону упаковки». Что ты делаешь?

- Кладу товар в зону упаковки, - я пожала плечами.

- Прекрасно. Экран сообщает: «Невозможно распознать товар».

Я задумалась.

- Убираю его?

- Экран сообщает: «Пожалуйста, дождитесь сотрудника», - продолжил Хорс свою пытку.

- Жду сотрудника.

- Сотрудник подходит, нажимает несколько кнопок, извиняется и уходит. Ты снова сканируешь товар, и всё повторяется.

- Тогда я иду к обычной кассе, - решила я после недолгого раздумья.

Хорс откинулся на спинку стула и с уважением посмотрел на меня.

- Вот теперь я вижу перед собой подготовленного специалиста. Некоторые снежинки на этом этапе начинают разговаривать с кассой, угрожать ей или искать в ней признаки одержимости.

- А что, если она действительно одержима? - не удержалась я.

- Тогда тебе понадобится курс «Человекопсихология» и

раздел «Основы здравого смысла». Последний, к сожалению, я ещё не написал.

Я покачала головой, с трудом сдерживая смех.

- Дальше у нас человекосоциология, - продолжил Хорс, перелистывая бумаги. - Ты едешь в переполненном автобусе. Рядом стоит мужчина, который громко разговаривает по телефону и рассказывает всему салону о своих семейных проблемах. Что ты делаешь?

- Стараюсь не слушать.

- Он говорит ещё громче.

- Отодвигаюсь подальше.

- Ты стоишь у окна, отодвигаться некуда. Человек поворачивается к тебе и спрашивает, как бы ты поступила на его месте, потому что у него сложная ситуация с тёщей.

- Почему он спрашивает об этом меня? Мы даже не знакомы! - я уставилась на друга.

- Поздравляю, Айка! Ты только что озвучила одну из главных загадок человеческого общества. Ответ?

- Я вежливо скажу, что не знаю всей ситуации и не могу давать советы. А потом выйду на ближайшей остановке.

- Даже если тебе не нужно выходить?

- Хорс, если мне придётся выбирать между незапланированной прогулкой по городу и подробным рассказом о чужой тёще, я выберу прогулку.

Друг поставил ещё одну галочку.

- Неплохо. Человекосоциология тебе даётся лучше, чем я

предполагал.

- А ты сомневался?

- Я помню, как на прошлой нашей проверке ты решила, что если незнакомый человек улыбнулся тебе на улице, то вы уже почти друзья.

- Ты разыграл такую сцену, что мне он показался очень приветливым!

- Он хотел продать тебе страховку.

- Это ты так решил! - я отвернулась, чтобы Хорс не увидел, как расползается улыбка. Теперь я знала, что человеческая дружба иногда начинается с подписания документов, которые следует внимательно читать.

- Следующий предмет - человекопсихология, - объявил Хорс. - Представь, что твой знакомый человек говорит: «Всё хорошо», но при этом хмурится, вздыхает и выглядит так, словно его только что назначили ответственным за уборку снега во всей Вотчине. Что это означает?

- Что у него всё плохо, - ответила я без колебаний.

- А почему он тогда говорит, что всё хорошо?

- Потому что не хочет об этом рассказывать.

- Или хочет, но ждёт, что его попросят об этом, - добавил друг.

Я открыла рот, потом закрыла и нахмурилась.

- Но он же сам сказал, что всё хорошо!

- Айка, - терпеливо произнёс Хорс, - человеческая психология не всегда основывается на буквальном значении про-

изнесённых слов.

- Я знаю! Я читала!

- Да, да, ты даже делала пометки на полях. Но, видимо, до раздела «Человек говорит одно, думает другое, а обижается на третье» ты ещё не дошла.

- Такой раздел существует? - я с сомнением посмотрела на методички.

Хорс помолчал, а затем совершенно серьёзно ответил:

- Теперь существует. Я только что придумал.

Я схватила с края стола скомканный лист и швырнула в него. Хорс ловко увернулся, а бумага упала прямо в его папку.

- Отлично! - обрадовался он. - Реакция на раздражитель. Практическая человекопсихология!

Мы оба рассмеялись. На какое-то время я даже забыла, что это вообще-то проверка, а не очередная репетиция с друзьями, где можно болтать обо всём на свете, но Хорс уже переворачивал следующий лист.

- Человекогастрономия. Ты пришла в кафе. Официант принёс меню, но ты не знаешь, что выбрать. Твои действия?

- Изучаю меню, задаю вопросы об ингредиентах и выбираю то, что мне хочется попробовать.

- Хорошо. А если ты хочешь попробовать всё?

- Заказываю несколько блюд, - с полной уверенностью отвечаю я.

- А если не можешь их оплатить?

- Хорс, вы там на практику совсем денег не выделяете? - друг поймал мой подозрительный взгляд, но глаза не отвел.

- Я просто уточняю границы твоих познаний, - Хорс беззаботно подмигнул, продолжая ждать ответ.

- Тогда заказываю одно блюдо, а остальные прихожу пробовать в следующий раз.

- Уже лучше, - он удовлетворённо кивнул. - А теперь самое важное. Человекоромантика.

Я насторожилась.

- Почему ты произнёс это таким голосом?

- Каким?

- Ну… Таким, - очень понятно объяснила я.

- Потому что предмет серьёзный, - Хорс покачал головой. - Итак, представь: мужчина приглашает тебя на ужин, сам выбирает ресторан, помогает снять пальто, внимательно слушает, о чём ты говоришь, а перед уходом спрашивает, можно ли увидеться снова. Что это означает?

- Что я ему понравилась, - я даже выпрямилась на стуле.

- Вероятно. А если он при этом ни разу не попытался тебя поцеловать?

- Может быть, он не хочет торопить события.

- А если он не позвонил на следующий день?

- Возможно, занят.

- А если не позвонил через неделю? - продолжал наседать Хорс.

- Возможно, очень сильно занят, - я нахмурилась.

- Айка, - Хорс прикрыл глаза ладонью, - Я сейчас решу, что тебе нужен углубленный курс по этой дисциплине.

- А что я должна ответить? Я же не могу знать, что у него в голове!

- Вот именно, - вздохнул друг. - Ты не можешь этого знать, поэтому не стоит строить целую теорию отношений на основании того, что мужчина придержал перед тобой дверь.

- А если он придержал её особенно красиво?

- Тогда, возможно, у него просто хорошие манеры.

Я хотела возразить, но не нашла подходящих слов. В конце концов, в книгах и в фильмах всё было гораздо понятнее. Если герой долго смотрел на героиню, ревновал её к другим мужчинам и внезапно начинал вести себя странно, это означало, что он влюбился. В человеческой жизни, судя по всему, всё было не настолько однозначно.

- Ладно, - буркнула я. - Эта твоя человекоромантика - сомнительная наука.

- Наконец-то мы пришли к научному консенсусу, - Хорс улыбнулся, собрал листы в аккуратную стопку и ещё раз пробежался по своим пометкам.

Я ждала вердикта, стараясь не показывать, как сильно волнуюсь. Не то чтобы эта проверка могла что-то изменить, мне просто хотелось знать, что я хотя бы не зря провела последние недели над методичками.

- Ну? - не выдержала я. - Как результаты?

- Если честно, я ожидал худшего, - Хорс посмотрел на ме-

ня насмешливо, но вскоре вновь стал серьёзным. - Человекобыт усвоен неплохо, с человекотехнией ты, скорее всего, справишься, человекосоциология вызывает осторожный оптимизм. С человекопсихологией ещё поработаем. А человекоромантику я бы пока вообще запретил тебе применять на практике.

- Очень обнадёживающее заключение, - проворчала я, хотя уголки губ всё равно дрогнули. - Значит, я не совсем безнадёжна?

- Айка, если бы я считал тебя безнадёжной, то даже не взялся бы за твоё обучение. Ты умная, быстро учишься и действительно интересуешься людьми. Но теория - это только половина дела. Вторая половина начинается, когда перед тобой стоит живой человек, а не страничка из моей методички.

Я опустила глаза на раскрытую папку. Ещё месяц назад я с удовольствием читала всё подряд, выписывала незнакомые слова, представляла, как буду ездить на метро, ходить в кафе и разговаривать с людьми. А теперь каждый день напоминал мне о том, что всё это может произойти со мной ещё очень нескоро.

Я посмотрела на стопку листов, которую Хорс только что сложил, и вдруг почувствовала, что устала. Не от учёбы или работы. Даже не от бесконечных правил, которые требовалось запомнить.

- А какой во всём этом смысл? - тихо спросила я.

- В смысле? - Хорс перестал складывать бумаги и внимательно посмотрел на меня.

- В проверке, в методичках, во всём этом обучении. Я могу выучить хоть каждую страницу наизусть, но какой в этом смысл, если мне до сих пор не разрешили поехать на практику, - я провела пальцем по краю папки, стараясь говорить спокойно, хотя внутри уже неприятно стягивало. - Ведара сказала, что рассмотрит мою кандидатуру, только если освободится место. А если оно не освободится? Если все места будут заняты в ноябре и в декабре? Я ведь так и останусь здесь со своими знаниями о человеческой жизни, которой ни разу не жила.

Последние слова прозвучали тише, чем я хотела. Я быстро потянулась за кружкой, хотя чай давно остыл, просто чтобы занять руки.

Хорс не стал сразу шутить или убеждать меня, что всё непременно получится. Он некоторое время молча смотрел на меня, а потом придвинул стул поближе.

- Слушай, Айка, я не знаю, появится ли место. Хотел бы я сказать, что всё решится само собой, но ты бы мне не поверила, да и я не настолько хорошо умею предсказывать будущее, - он слегка толкнул меня плечом. - Но если оно появится, ты должна быть готова. Не просто очень хотеть поехать, а действительно суметь там справиться.

Я невольно улыбнулась. От его осторожной поддержки на душе стало особенно тепло.

- А если не появится? - всё-таки спросила я.

- Тогда мы придумаем, что делать дальше. Но до тех пор я запрещаю тебе заранее проваливать собственную практику, которой ещё даже не было.

- Ты не можешь мне запрещать заранее, - фыркнула я.

- Могу. Я автор методичек, у меня здесь власть, - Хорс задрал подбородок и демонстративно сложил руки на груди.

Я наконец рассмеялась по-настоящему. Хорс улыбнулся в ответ, а затем постучал пальцем по верхней папке.

- А теперь повтори мне, что нужно делать, если человеческий банкомат отказывается выдавать деньги.

Я застонала и уронила голову на стол.

- Хорс, пожалуйста. Дай мне хотя бы пять минут помечтать о том, что я уже в Москве.

- Окей. Всего пять минут, - великодушно согласился он. - А потом продолжим. Человеческий мир, к сожалению, не собирается ждать, пока ты закончишь мечтать.

29 ноября. Вотчина, где-то в ворохе детских писем

Я совсем потерялась во времени. Письма приходили сотнями, а скоро будут валиться на мою голову чуть ли не ящиками.

Наконец наступила пора, когда детские желания преследуют меня не только в почтовом зале, но и во сне. Стоит закрыть глаза, как адреса, имена и строчки всплывают перед внутренним взором и сопровождают меня до самого утра.

Я отодвинула в сторону коробку с письмами, которые успела отсортировать. Не теряя времени, схватилась за телефонную трубку и через десять минут две шустрые снежинки забрали их, чтобы передать запросы в мастерские. А я тем временем уже заполняла реестр со свежим поступлением, ловко вскрывая конверты.

- Айка! - громкий возглас ворвался в моё сознание.

Я подняла голову. Мне потребовалось несколько мгновений, чтобы понять, кто передо мной стоит.

- Я уж думала, не докричусь, - Ведара недовольно поджала губы, но её взгляд смягчился, когда она увидела масштаб моей работы.

- Привет, Ведара, - я устало потёрла глаза. - Прости, увлек-

лась. Что-то случилось?

- Ледана заболела, - вздохнула подруга и села на стул напротив меня.

- Как? - я ошарашенно смотрела на неё. - То есть как заболела? Чем?

- Лекарь говорит, что это простуда, - ответила Ведара.

- Но… Мы ведь снежинки… Какая ещё простуда?

- Не смотри на меня так, - Ведара покачала головой. - Я сама в шоке. Хотя я предупреждала её, что повторять за людьми и купаться в проруби - занятие небезопасное.

- А зачем она вообще в прорубь полезла? - не поняла я.

- Решила на практике проверить, какие ощущения испытывают люди на Крещение. У нас ведь вечная зима, поэтому ждать января она не стала.

Ах, да. Я читала об этом празднике в методичках.

- И что ей прописали?

- Постельный режим, обильное питьё, минимум стресса, - перечислила Ведара.

- И всё?

- Ну и на работу не выходить две недели.

- Какой кошмар! - я не сдержала ужаса в голосе.

- Айка, с температурой 39 от неё всё равно толку ноль.

- Да я не об этом! Она ведь практику пропустит!

- Именно поэтому я и здесь, - сообщила Ведара и терпеливо ждала, когда до меня дойдет смысл её слов.

Признаюсь, голова в этот момент работала с громким

скрипом, который, как мне кажется, был слышен во всей Вотчине.

- Подожди…, - наконец я начала понимать, к чему она ведёт. - То есть ты хочешь сказать…

- Что ты отправляешься на практику вместо неё, - закончила она мою мысль.

Мозг отказывался верить в услышанное, и я несколько мгновений сидела с широко распахнутыми глазами.

- Ведара, ты сейчас серьёзно?

-Абсолютно, - она закатила глаза.

- Аааааааааа, - заверещала я, вскочив на ноги, и начала танцевать танец победителя.

- Да тише ты, снежинок перепугаешь, - поморщилась подруга.

- Я поеду к людям! Как на это ещё можно отреагировать?

- Я прекрасно понимаю твою радость. Я уже поговорила с Хорсом, - на этих словах её щёки покрылись румянцем. - Он сказал, что ты готова и он взял на себя должность твоего куратора. Завтра тебе выдадут всё необходимое и уже завтра ночью ты отправишься в Москву.

- Уже завтра? - сердце застучало с такой скоростью, что мелькнула мысль позвать лекаря.

- Да, поэтому сегодня собери вещи и передай дела девочкам из отдела по работе со сложными желаниями. Их я уже оповестила, они займутся твоей корреспонденцией на время отсутствия, пока ещё писем по их профилю не так много.

- Ведара! Спасибо! Я… Я не знаю, как тебя благодарить!

- Не за что, - улыбнулась она. - Главное, достойно пройди практику и не подведи меня.

- Обещаю, - я подбежала к Ведаре и обняла её. - Завтра - это ведь так скоро… Ладно, я всё успею! Что тебе привезти от людей?

- Хороший отчет по практике, пару интересных историй и… - она на секунду замялась. - И кое-что ещё. Я потом тебе скину адрес одного магазина. Купишь там одну безделушку.

- Какую? - тут же отозвалась я.

- Потом, Айка, - она вновь закатила глаза. - Иди собирайся, времени мало.

Я ещё раз поблагодарила подругу и, доделав срочную работу, отправилась домой.

Впервые за последние несколько месяцев я была настолько счастлива, что хотелось обнять каждого, кого я встретила на своём пути.

Совсем скоро я сяду в поезд и отправлюсь в Москву, где живёт Ванюша. Он ещё не знает, что одна крайне ответственная снежинка уже давно подготовила ему подарок, который я ему задолжала.

30 ноября. Вотчина, кабинет начальника отдела безопасности

Всю ночь я не могла сомкнуть глаз. Волновалась, думала о поездке, подарке, Ванюше, отчёте по практике.

Прошлым вечером я наспех собирала вещи, пытаясь понять, что мне обязательно пригодится в мире людей. Родители активно помогали со сборами и поочередно вытаскивали из чемодана то, что, по их мнению, было лишним. Так я осталась без своего плюшевого оленя, любимого пледа для просмотра фильмов, ночника в форме сказочного терема и снежного шара. Ну и Льдинку тоже пришлось оставить дома, так как она физически не влезла бы в чемодан.

Грустно, конечно, но я решила довериться опыту взрослых и взяла с собой только самый необходимый минимум.

Зато теперь я стояла в кабинете перед тучной снежинкой по имени Груда с огромными подведёнными глазами и ярко накрашенными губами и выслушивала напутственную речь.

- Не забывай, что безопасность Вотчины в приоритете. Никто из людей не должен знать, как попасть сюда. Эту информацию можно озвучить только тому, кому мы вручаем подарки - то есть деткам.

- А в чём смысл такого правила? - я непонимающе уста-

вилась на женщину. - Разве дети не могут рассказать потом родителям о Вотчине?

- Разумеется, могут, но взрослые ни за что в это не поверят, - не раздумывая, ответила Груда.

- Тогда почему нельзя говорить о Вотчине взрослым, раз они все равно не поверят? - я искренне не понимала логику.

Хорс, стоявший всё это время рядом, предостерегающе покачал головой.

- Так, хватит меня допрашивать! - вспылила снежинка. - Запоминай и чётко следуй правилам! Правду о Вотчине раскрыть можно лишь адресату подарка. Вотчина открывает свои двери лишь тем, кто готов поверить в чудо.

- Запомнила, - я покорно кивнула, хотя по-прежнему не понимала сути проблемы.

- Держи свои документы, - женщина открыла ящик и достала увесистую папку. - На время практики твоё имя для людей - Белова Ксения Андреевна. 21 год, не замужем. Студентка РЭУ имени Плеханова, экономический факультет.

- А если кто-то спросит, что я там изучаю? - уточнила я.

- Экономику, что ж ещё? - и как я сама не догадалась.

- Поняла, - я забрала папку и закинула её в сумку.

- Билеты там же, в том числе и билеты назад. По вопросу жилья тебе всё объяснит Хорс, - Груда устало махнула рукой, тем самым предлагая нам покинуть её кабинет.

- Спасибо! Всего доброго, - я быстро развернулась и, подхватив под руку друга, вышла за дверь.

Хорс предложил расположиться в его кабинете, пока его коллеги добросовестно коротают обеденное время в столовой.

Стоило нам зайти в кабинет, как две головы резко обернулись в нашу сторону.

- А вы здесь откуда? - вырвалось у меня.

- Не думала же ты, что сможешь уехать, не попрощавшись? - улыбнулся Велерад.

- Я бы ни за что…, - я поспешила обнять друзей, решивших меня проводить.

- Держи, - Молчан протянул мне телефон. - Я записал в заметках адрес Ванюши, настроил навигатор. И отметил на картах необходимые маршруты. Ещё вбил номера Ведары и наши, на всякий случай. Если потеряешься, то сразу позвони мне, я тебя выведу, куда нужно.

- Спасибо большое, - я почувствовала, как в уголках глаз начала скапливаться влага.

- А ещё держи вот это, - Велерад протянул мне маленький мешочек. - Это мой счастливый талисман. Я с ним четыре раза успешно прошел практику.

- Ты это называешь успешно? - усмехнулся Хорс.

- А что? Изучение пивных баров входило в мою программу, - Велерад невинно пожал плечами.

Если коротко, то года три назад во время прохождения практики он посетил Октоберфест и получил титул Короля пивного мира, когда победил в пивном спринте.

Всё бы ничего, если бы в том самом баре не было телевизионщиков, которые снимали всё, что происходило на празднике. Уже наутро весь интернет пестрил фотографиями и короткими видео, где наш Велерад резвится на фестивале и кричит, как сильно любит Вотчину и снежинок.

Ох и получил он тогда…

- Спасибо тебе, - я благодарно улыбнулась другу и раскрыла мешочек.

Там была красивая двухуровневая подвеска, где на нижней цепочке висел тот самый талисман - серебряная электронная гитара с изображением черного кота.

Раньше она была на его браслете и я не единожды выпрашивала её у Велерада, но каждый раз получала щелчок по носу. Теперь же она висела на тонкой изящной цепочке, а над ней, на втором ярусе была маленькая снежинка.

- Какая красота! - восхитилась я.

- Давай, помогу застегнуть, - Велерад выхватил подвеску из моих рук и ловко застегнул цепочку на моей шее.

- Недурно, - оценил Молчан.

- Выпендрёжник, - хмыкнул Хорс. - Ну а я, милая моя, без подарка. Зато я организовал тебе жильё прямо напротив дома Ванюши. Так что далеко ехать не придётся и, если вдруг ты не застанешь его дома в день приезда, у тебя будет целых две недели, чтобы найти его и вручить подарок.

- Хорс, ты чудо! - я всё же не удержала слёзы радости. - Спасибо вам, ребята!

Я обняла каждого из них и стояла перед ними совершенно, безоговорочно, абсолютно счастливая.

- Береги себя, - сказал Молчан.

- И не забудь повеселиться, - подмигнул Велерад.

- Помни, общение с людьми разрешено только на период практики. Так что сильно там не привязывайся к этим человекам. И отчет по практике привези, а то меня Ведара сожрёт, - чуть тише добавил Хорс.

Мы дружно рассмеялись и, ещё немного поболтав, распрощались на целых две недели.

Перед отъездом я заглянула к снежинкам из отдела по работе со сложными желаниями и провела краткий инструктаж. Успокоилась я лишь когда убедилась, что Лияна, которая работала в почтовом отделении до меня, ещё не растеряла сноровку и без проблем справится с работой. Ну а с середины декабря уже я сама вернусь к своим обязанностям и я очень надеюсь, что этот новый год пройдёт безупречно.

***

На поезд меня провожали родители, которым разрешили внепланово покинуть Вотчину.

- Не забывай хорошо питаться, - причитала мама всю дорогу до вокзала.

- И будь осторожнее с мужчинами, - совершенно серьёзно сказал папа.

- Так, родные, успокойтесь. Меня не будет дома всего-ни-

чего. Я справлюсь и обещаю быть осторожной, - я постаралась успокоить родителей, пока они не впали в панику.

- Совсем выросла, - всхлипнула мама. - Сама к людям едет.

- Ну что ты, Всемила? - приобнял маму папа. - Она уже лет двадцать как выросла.

- Нашел, на что смотреть. Возраст - не показатель взрослости, Лешек, - покачала головой мама

- Всё, я побежала. Поезд сейчас подойдёт, - я крепко обняла родителей. - Люблю вас.

- И мы тебя любим, - ответил папа.

Помахав им на прощание, я побежала на платформу, доставая по пути документы и билеты.

Прямо сейчас начиналась новая, совершенно непредсказуемая глава моей жизни.

Это нормально, что сердце ёкает?

1 декабря. Москва, среди людей

В Москву я приехала на поезде. Скажу честно, поездка меня впечатлила. Оказывается, в дорогу принято брать запечённую курицу в фольге, вареную картошку, яйца и спичечный коробок с солью. Узнала я об этом от бабы Зины, которая все 8 часов нашего соседства в купе старалась прибавить к моему весу пару кило. Очень амбициозная женщина, конечно. Что уж говорить, она к своим внукам приехала в гости.

Я про них всё узнала и уже отправила весточку своим ребятам, чтобы они обязательно отыскали письма от Максимки и Мируши, потому что такие замечательные детки обязаны получить свои подарки в новогоднюю ночь.

Что уж скажешь, с попутчицей мне повезло. Если все люди такие, то пройти практику будет проще некуда. Осталось только найти Ванюшу, пока малыш не разочаровался в новогоднем чуде.

Москва оказалась совсем иной – не такой, как на фотографиях, которые я рассматривала перед поездкой. Картинки в интернете были плоскими и до чёртиков понятными. Широкие улицы, многоэтажки, огни, машины. Мне казалось, что здесь везде найдётся место, чтобы остановиться и всё вокруг разглядеть.

Только вот в настоящей Москве места не было вовсе. Сто-

ило мне выйти из здания Ярославского вокзала, как меня подхватила целая река из человеческих тел. Люди двигались во всех направлениях, даже не глядя по сторонам. Кто-то катил чемодан по мостовой, громыхая колёсиками по брусчатке, кто-то говорил по телефону, ловко лавируя между прохожими, кто-то пил кофе на ходу, постоянно поглядывая на наручные часы.

Машины двигались по дороге нескончаемым потоком, тормозило такси, срываясь с места сразу, стоило пассажиру захлопнуть дверь. Кто-то сигналил особенно нерасторопному водителю. Весь мир куда-то спешил. На какое-то мгновение я застыла, пытаясь понять, как меня – маленькую снежинку, занесло внутрь этого огромного, безумного механизма, правила которого мне совершенно непонятны.

Я крепче сжала телефон, стараясь вспомнить маршрут, который мне так любезно составил Молчан. Всего несколько станций, и я наконец вручу паровозик Ванюше.

- Главное, не торопиться, - постаралась я успокоить себя.

Только вот жаль, что вся Москва, кажется, торопится за меня.

До станции я добралась как в тумане: лица прохожих сменяли друг друга с такой скоростью, что вскоре превратили в одно большое.. нет… ОГРОМНОЕ пятно.

Но по-настоящему страшно мне стало в самом метро.

Люди исчезали где-то под землёй, как будто у них был свой зачарованный вход в какой-то волшебный подземный

мир, как у нас в Вотчине.

Передо мной был эскалатор. Я долго не решалась ступить на убегающие вниз ступени, но крайне заботливый мужчина средних лет очень даже нелюбезно помог мне сделать первый шаг, толкнув «мышь нерасторопную» в сторону этой движущейся лестницы.

Скажу честно, кататься на эскалаторе мне понравилось! Нужно будет повторить такой увлекательный аттракцион.

Внизу было настолько оживлённо, будто под землёй действительно есть какой-то свой отдельный город. Я приметила впереди девушку в огромном жёлтом шарфе и решила использовать его в качестве ориентира.

Поезд приехал ровно в ту секунду, когда мы с Шарфом остановились на перроне. Двери разъехались, и толпа одновременно шагнула внутрь. Я последовала за Шарфом, но в вагоне было столько людей, что я потеряла его из виду почти сразу. Зато разглядела пирсинг в носу у девушки, к которой меня прижали, как картину к стене.

Со всех сторон мельтешили чужие плечи, рукава, сумки, волосы, лица, экраны смартфонов, которые каким-то чудом люди не теряли в этой давке.

Поезд тронулся, и я едва успела ухватиться за поручень, чтобы не отдавить ногу худощавому пареньку по соседству.

- Простите, - машинально произнесла я, хотя никто даже не взглянул в мою сторону.

Именно сейчас, стоя среди безразличной толпы людей я

поняла, что никто не знает, кто я, откуда, куда еду. Никому нет дела до маленькой снежинки, которую занесло в этот вагон. От этой мысли стало одновременно страшно, одиноко и удивительно спокойно.

В Вотчине меня знают все. Каждый в курсе, где я работаю, где живу, почему опоздала и куда бегу сломя голову.

А здесь я могу позволить себе быть никем, стоя среди сотни незнакомых людей.

За стеклом мелькали станции, люди менялись, но ощущение одиночества никуда не делось.

Комсомольская, Красные ворота, Чистые пруды…

Вновь обнаруженный Шарф остался в вагоне, когда я выбежала на станции, вспомнив о пересадке и подтягивая за собой чемодан с вещами.

Я смотрела на указатели и пыталась понять, как можно идти куда-то на автомате? Сколько раз мне нужно проехать этот маршрут, чтобы точно запомнить каждую станцию, каждый переход, каждый поворот?

Мне стало спокойнее лишь когда я вновь оказалась в вагоне. Москва за окном была другой – не красивой картинкой, а длинным туннелем с мелькающими лампочками.

Я смотрела на людей: их лица, одежду. На то, как они держатся друг за друга в толпе и при этом почти никто друг с другом не разговаривает. На мужчину, который уснул, прислонившись к стеклу, на девушку в огромных пушистых наушниках, на парня, который не переставая качал головой под

музыку в своей голове, на женщину, которая улыбалась, глядя в экран телефона.

Вот они. Люди. Настоящие.

Не актёры из фильмов, не герои книг, не лица с фотографий.

Настоящие, живые люди. Их было настолько много, что хотелось одновременно смеяться и плакать.

Когда объявили Академическую, я даже подпрыгнула, совершенно забыв, куда и зачем я ехала. Сердце отчего-то забилось сильнее.

Я вышла на улицу вместе с потоком и замерла от того, какой Москва была здесь. Вдоль улицы росли деревья, между домами виднелись дворы и улочки, высоко над головой серело зимнее небо.

Я достала телефон – до дома Вани оставалось совсем немного.

- Улица Большая Черёмушкинская, дом 26, квартира 47, - в десятый раз прочитала я адрес, где жил человечек, не получивший свой подарок.

Я спрятала телефон в карман и огляделась. Осталось только найти дом, что может быть проще?

Двадцать шестой.... Я нашла двадцать четвёртый, потом обнаружила двадцать восьмой, а вот двадцать шестого почему-то нигде не было.

Я прошла вперёд, вернулась обратно, заглянула за угол и снова сверилась с картой.

- Ну же… - пробормотала я. - Где же ты спрятался?

Телефон предложил мне повернуть направо - я послушно повернула.

Телефон предложил пройти ещё сто метров - я прошла.

Телефон предложил развернуться. Я развернулась, но уже почуяла неладное.

Ещё через минуту он снова предложил повернуть направо.

- Да ты издеваешься надо мной! - возмутилась я подсказкам приятного женского голоса, водившего меня кругами.

Проходившая мимо женщина посмотрела на меня с лёгким недоумением.

- Простите, - улыбнулась я ей, - это я не Вам.

Женщина почему-то ускорила шаг.

В конце концов двадцать шестой дом я нашла за рядом голых деревьев, во дворе, куда я каким-то чудом уже успела забрести, закрыв навигатор, который меня порядком разозлил.

Я остановилась перед домом и задрала голову.

Высокий... Очень высокий.

Посмотрела на окна. Где-то там жил Ванюша.

От этой мысли почему-то стало волнительно.

Я ещё раз посмотрела на адрес. Большая Черёмушкинская, 26 - всё верно.

- Ну что, Ванюша, - тихо сказала я. - Надеюсь, ты дома.

Потом подняла взгляд на подъезд. И поняла, что совер-

шенно не представляю, что мне делать дальше. В Вотчине я могла открыть любую дверь.

Здесь почему-то казалось, что без особого разрешения даже дышать рядом с ней не стоит.

Очень кстати из подъезда вышел мужчина, на ходу натягивая шапку и перчатки. Недолго думая, я прошмыгнула в подъезд, где было тепло.

Лифтом пользоваться в одиночку побоялась, поэтому на восьмой этаж с объёмным грузом поднималась по лестнице, стараясь не пропустить заветные цифры.

Сорок седьмая квартира оказалась в самом конце коридора.

Я остановилась перед дверью и поставила чемодан у стены. Сердце отчего то колотилось так, будто мне предстояло не вручить подарок, а прыгнуть с крыши.

Я подняла руку и постучала.

Раз.

Два.

За дверью послышались шаги: медленные, тяжёлые.

Я выпрямилась, когда дверь открылась. И я увидела… совершенно точно не Ванюшу.

Передо мной стоял огромный мужчина.

Высокий, широкоплечий, с длинными светлыми волосами, которые были собраны где-то на затылке, но несколько прядей всё равно выбились и падали ему на лицо. На левой руке и шее виднелись татуировки, которые почему-то захо-

телось рассмотреть.

На нём была чёрная футболка и обычные домашние штаны.

Мужчина молча смотрел на меня, я молча смотрела на него. Мы смотрели друг на друга несколько секунд.

Потом я взглянула на номер квартиры.

- Сорок семь, - тихо проверила я.

Мужчина продолжал стоять и рассматривать свою неожиданную гостью.

- Здравствуйте, - наконец поздоровалась я.

- Здравствуйте, - он чуть нахмурился.

Голос оказался совсем не таким страшным, каким я почему-то ожидала.

- А Ванюша дома? - я осторожно улыбнулась.

Мужчина моргнул. Один раз. Потом второй.

- Извините, Вы, наверное, не расслышали, - я постаралась сделать максимально дружелюбное лицо. - Ванюша дома?

- Дома, - ответил мужчина и взглянул на меня по-другому. Будто только что увидел.

- Замечательно! Я к нему.

Он слегка приподнял бровь.

- А Вас как зовут?

- Айка.

- Айка? - переспросил мужчина.

А я только сейчас поняла, что ляпнула не подумав.

- Ксения, - поспешила исправить положение.

- Но Вы только что сказали "Айка", - я заметила, как уголок его губ дрогнул, но улыбки не случилось.

- Да.

- Что "да"?

- Айка - это домашнее имя, - на ходу придумала я, надеясь на наивность новоиспечённого знакомого.

- Домашнее, значит... - мужчина прищурился. - То есть уменьшительно-ласкательное?

- Да.

- От Ксении? - не унимался он.

- Очень дальнее уменьшительное и очень ласкательное, - я не сдавалась.

- И кто Вас так называет? - мужчина наконец позволил себе улыбку.

- Родственники... Очень дальние родственники, - моему терпению подходил конец. Ишь ты, выискался какой дотошный. - Что Вы мне зубы заговариваете? Где Ванюша?

- Здесь, - с ещё более широкой улыбкой ответил мужчина, чем начал раздражать ещё сильнее.

Мне малышу игрушку отдать надо, а он тут веселится.

- Мне нужно с ним поговорить, - вздернув нос, сказала я и ловко забежала в квартиру, пока этот здоровяк не придумал ещё гору вопросов.

- Вы что творите? - возмущенно спросил мужчина, пытаясь ухватить меня за локоть. Улыбка исчезла с его лица с такой скоростью, что мне даже приятно стало.

Оказавшись в прихожей, я сразу заметила большие зимние ботинки, мужские кроссовки и ещё несколько пар обуви. Я быстро сбросила свои сапожки, аккуратно пнув их ногой к стене. Всё-таки я не зверь какой-нибудь, чтобы по чужому дому в обуви ходить.

- Ванююшаааа, - я громко позвала мальчика, увернувшись от медвежьей лапы. Мужчина наконец отошел от шока и попытался задержать меня.

- Девушка, покиньте мою квартиру! - от шутливого тона не осталось и следа.

- Найду Ванюшу и покину, - ответила, открыв первую попавшуюся дверь.

За ней оказалась ванная комната. Пустая.

Значит, ищем дальше, пока мужчина потерялся от моего уверенного настроя.

- Где Ванюшина комната? - спросила я на ходу, открывая следующую дверь, за которой обнаружилась спальня. Вовсе не детская, поэтому интерес к ней мгновенно пропал.

- У Ванюши нет своей комнаты, - ответил мужчина и прекратил любые попытки поймать меня. Он привалился плечом к стене и с нечитаемым выражением лица наблюдал за моими метаниями по квартире.

Проверив кухню и гостиную, я наконец остановилась, когда поняла, что дверей больше нет.

- Почему?

- Потому что Ванюша, - он как-то по особенному выделил

имя, - живет один.

- Ну хорошо, - что хорошо, я и сама не поняла. Ребёнок один живёт что ли? Ну и папаша ему достался.. - Где он играет?

- Нигде.

- Но...

- Девушка, я и есть Иван, - громко, чётко, почти по слогам представился мужчина.

Ну нет.. Передо мной стоит взрослый человек. На полторы головы выше меня, с татуировками и серьёзным, совсем не детским взглядом.

Я долго смотрела на его лицо. Искала хоть какие-то признаки того, что он пошутил. Что сейчас вбежит в квартиру маленький Ванюша, и я смогу выполнить свою миссию. Но мужчина был серьёзен. И тогда в голове мелькнула мысль "а что если...".

Да ну, бред какой-то.

- Допустим, - осторожно сказала я и достала из сумки письмо. - Это Вы написали?

Иван подошел ближе и взглянул на листок бумаги. Сначала ничего не происходило, но вскоре в глазах мелькнуло узнавание.

- Я, - растерянно ответил мужчина. Он смотрел на слегка пожелтевшую бумагу, словно пытался понять, откуда она взялась. - Где Вы его взяли?

- Так Вы выросли? - мой вопрос прозвучал не столько

удивлённо, сколько обвинительно.

Иван даже растерялся от моего тона, хотя казалось бы, куда ещё сильнее-то?

- Так бывает, - спустя некоторое время ответил он и забрал письмо из моих рук, вновь перечитывая содержимое.

Мой мир в этот момент рухнул. Я все эти месяцы готовила подарок для маленького мальчика, про которого забыли в новогоднюю ночь, а он взял и вырос!

- Откуда оно у Вас? - вопрос прозвучал совсем иначе, чем все предыдущие - без насмешки.

- Нашла в архиве, - честно призналась, стараясь обдумать свои дальнейшие действия.

Ситуация, прямо скажем, нестандартная. Мы дарим подарки малышам, но никак не взрослым. Тем не менее, я должна была исполнить своё предназначение и вручить запоздалый паровозик этому большому Ванюше.

Я торопливо открыла сумку и вынула аккуратно упакованную белую коробочку, перевязанную зелёной ленточкой с россыпью серебряных снежинок.

- Это тебе, Ванюша, - торжественно произнесла я, протянув подарок мужчине.

Он смотрел то на меня, то на коробку и молчал, машинально складывая письмо. Затем сделал шаг навстречу и осторожно забрал подарок. При этом его взгляд остановился на моём лице.

- Ну чего ты медлишь? Открывай скорее, - я улыбнулась

ему, словно маленькому ребёнку.

Иван дёрнул за кончик банта и лента скользнула вниз. Глубокий вдох и вот мы оба смотрим, как крышка поднимается, а там, на мягкой бархатной подушке лежит деревянный паровозик. Он был настолько прекрасен, что у меня перехватило дыхание, когда Иван взял его в руки.

Он был как настоящий, только волшебным образом уменьшенный в сотни раз, чтобы сейчас помещаться на раскрытой мужской ладони.

Иван рассмотрел его со всех сторон глазами ценителя железнодорожного транспорта, улыбнулся лёгкой мальчишеской улыбкой и вновь посмотрел на меня.

- Спасибо, конечно. Только Вам не кажется, что доставка была уж слишком долгой? - с ехидцей в голосе спросил он.

- Есть немного, - смутившись, ответила я. - Просто письмо я нашла лишь этим летом, потому и пришла только сейчас.

Кстати, о письме. Взгляд метнулся в сторону сложенного листа бумаги и замер. Письмо было на месте. Вот оно - зажато подмышкой у Ивана, который по-прежнему держит в руках коробку и паровозик и даже не подозревает, что творится в моей голове.

- Почему письмо не исчезло? - спросила я с недоумением и даже выдернула его из мужского захвата, чтобы убедиться наверняка в его досихпорошнем существовании.

- Почему оно должно было исчезнуть? - с любопытством спросил Иван.

- Потому что я нашла тебя, подарок вручила, желание исполнила, - для меня это выглядело очевидным.

- И? - его бровь иронично изогнулась.

- И должна была сработать магия! - я начала нервно вышагивать из стороны в сторону. Но, так как мы по-прежнему находились в коридоре, мои хождения крохотными кругами наверняка выглядели нелепо.

- Ах маааааагия, - протянул Иван и звонко хлопнул ладонью себя по бедру. - И как я сразу не догадался.

- Вот-вот. Магия не может сломаться, - продолжала я свои рассуждения вслух под насмешливым взглядом. - Да, я опоздала, конечно, на... Когда ты написал письмо?

- В восемь лет.

- А сейчас тебе сколько, Ванюша?

- Тридцать. И я уже давно не Ванюша, - мужчина даже приосанился немного.

- Да, да, - отмахнулась я от его замечания. - Но в письме указано конкретное желание. Паровозик. И получив его, ты должен был обрадоваться, что желание исполнилось. Тогда магия почувствовала бы это маленькое чудо, и письмо исчезло бы.

- Девушка, какая к чёрту магия? Вы меня за кого держите? - наконец прорвало мужчину. - Вы явились ко мне домой с игрушкой, которую я просил у Деда Мороза двадцать с лишним лет назад и говорите мне о какой-то магии? Я не знаю, где Вы достали моё письмо, но прошу Вас прекратить

этот розыгрыш.

- Да какой розыгрыш? - справедливо возмутилась я. - Ты сам попросил паровозик. Но мы каким-то образом потеряли твоё письмо. Я потеряла... И теперь...

- Ты потеряла... Конечно... Двадцать два года назад... Ты вообще в то время на свет не появилась ещё, судя по всему, - выдал Ванюша, окинув меня взглядом с ног до головы.

- Ошибаешься. В тот самый год я только заступила на службу в почтовое отделение.

- И сколько тебе тогда лет? - обречённо спросил мужчина.

- Сорок восемь, - назвала я свой реальный возраст, отчего мужчина аж воздухом поперхнулся.

- Ну да, конечно. А выглядишь на двадцать, потому что вампир, - откашлявшись, предположил он.

- Какой вампир? Их не существует, глупый. Я - снежинка! - гордо произнесла я и почтительно склонила голову.

- Ну конечно, - подозрительно спокойно согласился мужчина.

- Ты мне не веришь? - спросила прямо.

- Нет.

- У тебя есть чай? - спросила я и по-хозяйски прошла на кухню, поняв, что разговор предстоит длинный и скинув на ходу свою шубку, которая очень удачно примостилась на спинке стула.

Иван нерешительно проследовал за мной, словно это он был у меня в гостях, а не наоборот. Молча открыл шкафчик

с чайными принадлежностями и сел за стул, закинув руку на столешницу, беззвучно постукивая пальцем и наблюдая за моими действиями.

К счастью, принцип заваривания чая у людей ничем не отличался от нашего, поэтому я без проблем справилась с задачей и через пару минут поставила перед Ваней большую кружку, выпускающую густую струйку пара. Сама села напротив, обхватив руками свою чашку.

- Ты везде чувствуешь себя как дома? - спросил он, до сих пор не выражая никаких эмоций.

- Для снежинок в Вотчине это нормально, - пожала я плечами и сделала глоток.

- Я всё пытаюсь понять... Мне уже пора вызывать машинку с красным крестиком или ещё послушать? - необыкновенно спокойно поинтересовался Иван.

- Ты ведь уже большой, поэтому тебе сложнее поверить, что мир не совсем такой, каким ты его знаешь. Я действительно снежинка.

- И чем ты занимаешься, снежинка?

- Работаю.

- Где?

- В Великом Устюге.

- И твой начальник...

- ...Дедушка Мороз.

- Конечно... Так ты Айка или Ксения? - поинтересовался мужчина.

- Айка, - кивнула я.

- А Ксения?

- Это имя для людей.

- А я кто? - мужчина аж опешил.

- Человек, - я кивнула, поражаясь его странным вопросам.

- Вот спасибо, - Ваня улыбнулся и подпёр рукой подбородок явно собираясь слушать мой рассказ до конца.

Я вспомнила о наставлениях Груды по поводу конспирации и задумалась. Могу ли я рассказывать о Вотчине ему? Он ведь взрослый… Хотя в правилах не оговорено, можно ли рассказывать правду адресату подарка, если он успел вырасти.

В итоге, взвесив все за и против, я пришла к выводу, что передо мной просто большой малыш, который заждался подарок, поэтому он имеет право знать.

- Мы работаем с письмами малышей, такими как твоё, - сказала я наконец. - Узнаём об их желаниях и изготавливаем игрушки, которые потом детки получают в новогоднюю ночь. Если желание исполнено, то письмо исчезает. Но бывают случаи, когда письмо всё равно остаётся. Как твоё, например. Это значит, что настоящее желание совсем другое и нам нужно его найти.

- Хорошо... Ещё раз... Допустим, ты действительно нашла моё письмо, потому что работаешь в резиденции Деда Мороза. И ты хочешь сказать, что он...

- Настоящий.

- И ты...

- Снежинка.

- Стало быть, настоящая?

- Самая настоящая, - наконец он понимает!

- Ясно, - кивнул он.

- Ты до сих пор мне не веришь?

- Нет.

- Но почему?

- Потому что мне тридцать!

- Ну и что? - я искренне не понимаю этого человека. - Мне сорок восемь и я в чудо верю.

- Да как ты можешь быть старше меня? - возмущенно спросил Иван.

- Ну снежинки живут дольше людей, - я пожала плечами.

- Насколько дольше?

- До трёхсот лет.

- Отлично, - мужчина наконец отпил свой чай и спустя минуту выдохнул. - Ещё сегодня утром я был уверен, что у меня обычный вторник.

Это так странно - рассказывать правду о Вотчине взрослому человеку. С детьми проще - им не нужны доказательства, ответы, уточнения. Они просто верят, потому что чудеса не нуждаются в подтверждениях и объяснениях. Они просто случаются.

- И здесь ты только ради подарка? - неожиданно спросил Ваня.

- Не только. Я учусь.

- Чему?

- Человекам, - я аж глаза закатила от его вопроса.

Иван сделал ещё один большой глоток чая и вновь пристально посмотрел на меня.

- И что ты собираешься делать дальше?

- Буду наблюдать, - немного подумав, ответила я. - И мы будем искать твоё настоящее желание.

- У меня всё есть, - Иван покачал головой.

- Если бы это было правдой, письмо бы исчезло сразу, как только ты взял в руки паровозик, - я нахмурилась. - Значит, тебе чего-то не хватает. Думай, Ванюша.

- Я Иван! - настойчиво повторил он. - И я действительно не знаю ни о каком своем желании.

- Тебе очень повезло, что здесь я, - я даже заёрзала на стуле от нетерпения. - Мы обязательно его найдем!

- Не нужно ничего искать.

- Но почему?

- Потому что мне ничего не нужно, - в очередной раз повторил он.

- Я не могу вернуться в Вотчину с твоим письмом. Если ты сам не понимаешь, чего хочешь, то позволь мне помочь, - мягко сказала я.

- Послушай, Айка… Или Ксения… Айка, да. Я понятия не имею, кто ты. То, что ты рассказываешь, граничит с сумасшествием и потакать твоим вымышленным историям я не

собираюсь, - довольно резко ответил мужчина.

- Если по-твоему, я вру, почему ты до сих пор меня не выгнал? - прямо спросила я.

- Я… - он задумался, будто только сейчас осознал, что вот уже полчаса общается с девушкой, которую причислил к обществу сумасшедших. - Я решил узнать, насколько далеко всё зайдет. И то, что ты продолжаешь нести эту чушь про магию, письмо и желания, заставляют меня думать, что ты не прикалываешься, а действительно чокнутая.

- Если я всего лишь чокнутая, то откуда у меня твоё письмо и детская мечта? - я кивнула на коробку с подарком. - Ты вырос, не веришь в чудо и всё такое. Это я уже поняла. Но что тебе стоит хотя бы на пару дней забыть о своём возрасте и хотя бы на секунду допустить, что всё, что я сказала - правда?

- Здравый смысл? - звучало как насмешка.

- Такую дисциплину у нас ещё не преподают, - задумалась я, вспомнив слова Хорса. - Но, насколько я успела понять, здравый смысл порой обманывает сильнее, чем вера во что-то невероятное.

Мужчина долго смотрел на меня и молчал. Так долго, что я уже не знала, куда себя деть.

- Где ты остановилась? - наконец спросил он.

- На размышлениях о здравом смысле… - он что, меня не слушал?

- Всмысле, где ты жить планируешь, пока проходишь

практику? - на последнем слове он сделал какой-то странный жест руками, будто изображая кавычки в воздухе.

- А, ты об этом. На время практики, - я повторила его жест, - меня поселили в гостинице Лебёдушка, - вспомнила я наставления Хорса.

- Отлично, - Ваня устало потёр переносицу. - Собирайся, я провожу тебя.

- Спасибо! - обрадовалась я его галантности.

Накинула на плечи шубку, прошла в прихожую, где быстро натянула сапожки.

Иван накинул поверх футболки тёмную зимнюю куртку и повесил на шею шарф. Высокий, крепкий, с выглядывающими из-под шарфа татуировками. Он выглядел так, будто декабрьский холод был его последней проблемой. Даже шапку надевать не стал. Обул ботинки и щелкнув замком, открыл дверь, нависнув надо мной, как волна над берегом.

- Прошу, - он указал жестом на выход и посторонился, пропуская меня вперёд.

Стоило мне выйти за порог, как обнаружился мой чемодан с вещами, о котором я благополучно забыла. К счастью, его никто не тронул и он остался стоять у стены, будто всегда тут и был.

- С безопасностью у вас тут полный порядок, - хмыкнула я и попыталась взять чемодан за ручку.

Ключевое - попыталась, потому что Иван ловко подхватил его, словно он ничего не весил и, отодвинув меня в сторону,

закрыл дверь квартиры на ключ.

- Я могу сама… - начала было я, но встретилась с хмурым взглядом и мгновенно затихла.

Иван подвел меня к лифту и нажал на кнопку. За серыми дверьми послышался щелчок, а затем тихий, размеренный гул.

Через несколько мгновений шум стих и двери разъехались, открывая передо мной просторную кабину лифта.

Я видела их в фильмах, но сама разумеется ни разу на них не ездила. Поэтому сейчас неуверенно топталась на месте, не решаясь войти внутрь.

Иван немного понаблюдал за мной, а затем шумно выдохнул и зашел в лифт первым, поставил чемодан и вновь взглянул на меня.

Убедившись, что это безопасно, я тоже шагнула в кабину и повернулась лицом к дверям, пока Иван нажимал на кнопку первого этажа.

- И как вы не боитесь на них ездить? - выдохнула я, когда двери пришли в движение. - Как представлю, сколько под нами метров пустой шахты, так ноги дрожать начинают.

- Неужели в Вотчине нет лифтов? - с неуместной, на мой взгляд, иронией спросил мужчина.

- Ни одного. Три этажа - предел нашей архитектурной высоты.

- Ну да, конечно, - тихо ответил Ваня.

Лифт без происшествий довёз нас до первого этажа, и я

с восторгом шагнула на площадку, почувствовав под ногами устойчивый, никуда не движущийся бетон. Даже метро не вызывало у меня подобного страха, как эта подвешенная на тросах коробка.

Ванюша всё это время пристально рассматривал меня, будто хотел забраться ко мне в голову.

Наивный… В своей голове даже я не хозяйка.

Я первая прошла в сторону выхода и открыла дверь, вдохнув морозный декабрьский воздух.

Он мягко проник в лёгкие и на какое-то мгновение показалось, что я дома. Но тяжелые шаги за спиной напомнили, где я нахожусь и зачем.

- Лебёдушка через дорогу, - кивнул Иван в сторону пятиэтажного здания напротив.

Он пошел в сторону пешеходного перехода, не дожидаясь меня. Мне даже пришлось пробежаться, чтобы догнать его. При этом я умудрилась поскользнуться на утрамбованном и раскатанном снеге и впечататься в его широкую спину.

К счастью, реакция у Ивана была отменная, поэтому упасть он мне не позволил. Только отпустил чемодан, ловко подхватил меня за талию и резко вернул в вертикальное положение, да так легко,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.